

— Ты... — Ван Шоуминь едва сдерживал гнев. На днях Ян Ли устроила скандал, как истеричная баба, а теперь появилась еще и эта старуха, которая не только не понимает, что делает, но и ведет себя еще хуже! Что это за семья такая?

В тот момент, когда бабушка Кун всю разошлась в своей истерике, подошел Ван Даху.

— Бабушка, вы хотите те десять му земли, которые принадлежат семье Раньжэня? — спросил он с добродушной улыбкой на круглом лице.

Наконец-то добрались до сути.

Бабушка Кун тут же замолчала, кивнула и, выпятив шею, твердо заявила:

— Эта земля изначально наша!

— Эта земля не ваша, она принадлежит семье Ли Чангуя! — Ван Даху, видя, как старуха собирается снова заорать, быстро продолжил. — Но Раньжэнь — сын Ли Чангуя, и раз уж его отец умер, земля естественно переходит к нему. А раз вы готовы взять его на воспитание, то передать вам эту землю — вполне логично.

— Верно! Верно! Этот мальчик понимает! — Бабушка Кун тут же заулыбалась и закивала.

— Хорошо! Раз вы готовы взять на себя такую ответственность и воспитывать Раньжэня, мы не будем держаться за эту землю, но...

— Но что? — Кун Даго с горящими глазами тут же спросил.

— Но перед тем, как передать вам документы на землю, нам нужно кое-что обсудить.

— Что... что именно? — Бабушка Кун почувствовала неладное и с подозрением посмотрела на него.

— Знаете, недавно Раньжэнь сломал ногу, и ему пришлось делать операцию в городе. В общей сложности это обошлось... дайте посмотреть... примерно в 50 000 или 60 000 юаней! Эти деньги мы покрыли за свой счет. Может, сначала вернете их?

Услышав, что Ли Цинжэнь должен им 50 000 или 60 000 юаней, бабушка Кун чуть не лишилась чувств. Спустя некоторое время она, посинев от злости, завопила:

— Ты, щенок, врешь! Такие деньги! Ты хочешь обобрать нас!

— Бабушка, как вы можете так обвинять меня! — Ван Даху встряхнул толстой пачкой бумаг. — Это медицинские документы и счета за операцию. Вы можете сами посмотреть, здесь даже печать больницы стоит!

Кун Даго взял бумаги и быстро пробежал глазами. В самом начале, в графе «пациент», четко было написано: «Ли Цинжэнь».

Тут мать и сын окончательно запаниковали. Неужели они еще даже не получили денег, а уже влезли в долги?

Нет! Они ни за что не признают этот долг в 50 000 или 60 000.

— Ты, щенок, сломал ногу — ну и что! Зачем тратить такие деньги на лечение? Ты что, какой-то драгоценный фарфор? Проклятие, расточитель! — Бабушка Кун, позеленев от злости,

замахнулась, чтобы ударить Ли Цинжаня по лицу.

Но Ли Цинжань не стал уклоняться. На его маленьком лице появилось злое выражение, и он сделал что-то, отчего бабушка Кун вскрикнула, а на ее сухой ладони тут же хлынула кровь.

Ли Цинжань стоял, держа в руках тонкое и острое лезвие, и, глядя на старуху, валяющуюся на земле, холодно произнес:

— Такие бессердечные твари, как вы, не мои родственники. Убирайтесь отсюда и никогда больше не появляйтесь на моих глазах.

Ван Даху с восторгом свистнул.

Он был глубоко восхищен тем, как Ли Цинжань проявил себя в этот момент.

«Ох, как хочется его обнять!»

После того дня мать и сын Кун, хоть и были напуганы, не сдались и продолжили устраивать скандалы.

Но Ван Шоуминь уже получил указания от своего внука и твердо стоял на своем: хотите землю? Хорошо, сначала верните долг за лечение.

Мать и сын, расспросив в деревне, узнали, что Ли Цинжань сломал ногу по вине Ян Ли. Теперь вся их злость обрушилась на нее, и они чуть не живьем содрали с Ян Ли шкуру.

Так прошло еще несколько дней, и мать с сыном, видимо, что-то задумали. Однажды утром они вместе с Ян Ли исчезли из деревни Синье.

Как только эти мерзкие люди ушли, Ван Даху сразу почувствовал, что дышать стало легче.

Ли Цинжань тоже был рад и, не теряя времени, направился домой.

Ян Ли и ее родственники оказались настоящими бессовестными ворами. Все, что могло пригодиться, они забрали с собой, даже кухонную утварь и ножи. Кроме...

Ван Даху, увидев перед собой худенькую девочку, нахмурился и спросил:

— Ты кто?

— Я... я Кун Цуйпин, — девочка, лет пяти-шести, с двумя торчащими косичками, казалось, боялась его и постоянно поглядывала на Ли Цинжаня, стоящего позади.

— Ты Пятая? — с сомнением спросил Ли Цинжань.

— Да, двоюродный брат, — девочка опустила голову и тихо ответила.

— Почему ты не ушла с родителями?

При этом вопросе девочка явно почувствовала себя обиженной, и слезы тут же покатались по ее лицу. Ее грязное, заплаканное лицо не вызывало ни капли жалости.

Конечно, главной причиной было то, что Пятая — дочь Ян Ли и Кун Даго. Он не верил, что эта «черная» пара действительно оставила свою дочь здесь.

Очевидно, Ли Цинжань думал так же. Они обменялись взглядами и решили проигнорировать плачущую девочку. Один пошел за водой, другой взял тряпку и начал убирать.

Позже Ван Шоуминь тоже зашел, принес необходимые вещи и помог убрать двор. Девочка оказалась смысленной и, видя, что все заняты, сама взяла метлу и начала подметать.

Работали они до самого вечера.

— На сегодня хватит, — Ван Даху вытер пот со лба и сказал Ван Шоуминю. — Дедушка, бабушка уехала в город проведать маму, дома никого нет. Оставайся ужинать! Я уже все приготовил.

Ван Шоуминь знал, что его внук хорошо готовит, и, кивнув, с улыбкой ответил:

— Хорошо!

Через час на столе появились четыре блюда и суп.

Ван Даху принес продукты из дома и приготовил картофель с зеленым перцем, жареные грибы, салат из зеленого лука с тофу и мясо по-сычуаньски.

Все устали за день, поэтому за ужином почти не разговаривали, только ели. Особенно Кун Цуйпин, которая ела с жадностью, но при этом брала только овощи, не притрагиваясь к мясу.

Бедный ребенок!

Ван Даху вздохнул и положил ей в тарелку кусочек мяса.

— Ешь больше, ты худая, как щепка...

Увидев в своей тарелке кусочек мяса с прожилками, Кун Цуйпин почувствовала, как глаза начинают болеть, и снова захотелось плакать. Но они не любят, когда она плачет... надо сдержаться, Пятая не должна делать то, что раздражает других.

«Что с ней? Я же просто дал ей кусочек мяса, не надо так корчить лицо».

Пока Ван Даху ворчал про себя, Ли Цинжань, наблюдавший за всем, почувствовал неприятное ощущение в груди. Он резко встал, бросил палочки и сказал:

— Я наелся!

И вышел из комнаты.

— Раньжань, ты так мало съел! — Ван Даху позвал его. — Вечером будешь голодным!

Но Ли Цинжань даже не обернулся и вышел из дома. Ван Даху почесал голову, недоуменно моргая.

Кун Даго, видимо, твердо решил оставить свою дочь у Ли Цинжаня. Прошло уже больше двух недель, а они так и не вернулись.

Конечно, для Пятой, возможно, это было к лучшему. Здесь она могла есть досыта и спать спокойно, не голодая и не страдая от побоев и ругани. Здесь никто не бил ее и не кричал, если она начинала плакать. Поэтому в глубине души она действительно не хотела возвращаться.

<http://bllate.org/book/16441/1490769>